

DOI 10.15393/j9.art.2019.6562

УДК 821.161.1.09“18”

Сергей Сергеевич Шаулов*(Уфа, Российская Федерация)*

sschaulov@gmail.com

Мифологизация биографического нарратива в дореволюционных энциклопедических статьях о Достоевском*

Аннотация. В статье описан ряд методологических проблем исследования биографического нарратива Достоевского и его рецептивной традиции в целом: субъективность традиционных исследовательских подходов, рецептивный конфликт биографического мифа и негативных «двойников» писателя, противоречия массового и индивидуального восприятия. Автор в поисках наиболее общих элементов биографического нарратива Достоевского обращается к дореволюционным энциклопедическим статьям о писателе. Подразумевается, что сам жанр, в котором существует здесь биографический нарратив, исключает субъективные искажения образа, представляет Достоевского в наиболее обобщенном, «узуальном» варианте. На этом материале делается вывод о принципиальной литературоцентричности такого образа Достоевского, неизбежности упрощения и формирования сниженного, «травестийного» двойника. При этом сама структура анализируемых статей противоречива: в ней сталкивается авторская субъективная оценка, проникающая все-таки даже в справочно-энциклопедические издания, и логика формирования и развития образа Достоевского в пространстве «культурного бессознательного». Иными словами, мифологическое восприятие писателя не может быть побеждено ни сколь угодно яркой критической рефлексией, ни официальной фиксацией и пропагандой историко-литературного канона. Кроме того, мифологический образ писателя, неосознанно создаваемый массовым читателем, в отдельных аспектах более зависим от логики жизненного и художественного текста Достоевского, а потому порой и более точен.

Ключевые слова: Достоевский, биографический нарратив, биографический миф, рецептивная традиция, антисемитизм, «куманинское дело», Белинский, Пушкин

Об авторе: *Шаулов Сергей Сергеевич* — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Башкирский государственный университет (450076, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32)

Дата поступления: 26.03.2019**Дата публикации:** 28.06.2019

Для цитирования: Шаулов С. С. Мифологизация биографического нарратива в дореволюционных энциклопедических статьях о Достоевском // Проблемы исторической поэтики. — 2019. — Т. 17. — №2. — С. 192–213. DOI: 10.15393/j9.art.2019.6562

В биографическом нарративе писателя, наряду с собственно жизнеописательными текстами различных жанров, заслуживают внимания заложенные еще при жизни протагониста традиционные «сюжетно-образные» и аксиологические модели, многие из которых впоследствии приобрели устойчивость, превратившись в «штамп» или «канон» восприятия и оценки писателя. На наш взгляд, их анализ может эксплицитировать тот образ писателя, который сохраняется в «культурном бессознательном» (термин понимается вслед за И. А. Есауловым как «сформированный той или иной духовной традицией *тип мышления*» [Есаулов, 2004: 12]).

В предлагаемом обзоре использовано восемь показательных в этом плане биографических статей о Достоевском из дореволюционных энциклопедических изданий. Среди них выделяются статьи А. И. Кирпичникова [Кирпичников] из словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона и А. К. Бороздина [Бороздин] из «Русского биографического словаря» А. А. Половцова как самые объемные, снабженные научным аппаратом и нацеленные на просвещение массового читателя. В качестве материала для анализа использовались также статьи из ряда других изданий:

— «Большой энциклопедии» под редакцией С. Н. Южакова и А. М. Скабичевского [Достоевский, 1902];

— «Настольного энциклопедического словаря» А. Граната (в первых шести изданиях статья о Достоевском была очень краткой и анонимной) [Достоевский, 1895];

— седьмого, как указано на титуле, «совершенно переработанного издания» словаря А. Граната, в котором у статьи о Достоевском появился автор [Игнатов, 1911];

— «Энциклопедического словаря Ф. Павленкова» [Достоевский, 1913];

— «Народной энциклопедии» [Достоевский, 1911];

— «Еврейской энциклопедии» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона [Горнфельд, 1910].

Представленная в них обобщенная версия «биографического сюжета», приспособленная для массового читателя, отличается от резко индивидуализированной интерпретации биографического образа, интересной с точки зрения флюктуации нетривиальной рецепции, но с биографическим мифом часто расходящейся. Поэтому наш подход ограничивает использование понятия «общественная репутация», трактованная как результат умственных усилий «независимых интеллектуалов, <...> признанных законодателей норм самосознания и самопонимания» [Дубин: 109]. К тому же «общественная репутация» не всегда совпадает с литературным каноном.

В истории восприятия Достоевского были периоды, когда его «общественная репутация», институционализированная, например, в школьных программах, кардинально не совпадала с его положением в литературном каноне. Из первых он в 1930–1940-е гг. оказался почти выброшен, из второго же не исчезал, судя по всему, никогда: об этом свидетельствуют выходявшие даже в это время, пусть и в меньшем количестве, издания его произведений (см.: [Белов, 2011: №№10, 11, 13, 29–30]). При этом «синдром Достоевского» (термин В. Н. Захарова [Захаров, 2013: 17–41]) как демонстративное отрицание (подчас в форме клеветы) ценности его наследия оставался фактом, сопутствующим биографическому образу писателя едва ли с момента его творческого дебюта. С историко-культурной точки зрения данную дихотомическую структуру биографического образа Достоевского нельзя не учитывать [Шаулов, 2014с].

На наш взгляд, сложившийся в рецептивной традиции массовый биографический образ во всех его противоречиях следует понимать как некоторую *объективно существующую* реальность литературного процесса, порождающую и даже провоцирующую различные реакции (в том числе и «независимых интеллектуалов»), но крайне редко поддающуюся индивидуализированным влияниям, даже самым сильным. В этом смысле естественная институциональная инертность, стремление к преемственности образовательных и просветительских практик, требование сжатой и удобозапоминаемой

подачи материала приводят к тому, что именно такие жизнеописания Достоевского наиболее точно фиксируют *узуальный* вариант биографического образа писателя. Такой «Достоевский», видимо, обладает очень высокой резистентностью к индивидуальным интерпретациям, попыткам «реформ» и даже институционального давления.

К примеру, мнение М. Горького о «социальном вреде» Достоевского («Заметки о мещанстве», «О карамазовщине» и «Еще о карамазовщине»), несмотря на огромное влияние этого писателя на советскую культуру, даже на фоне школьной практики литературного образования начала 1950-х гг. не выглядело мейнстримом (ср. описание рецепции Достоевского лояльным советским подростком начала 1950-х на примере дневниковых записей Р. Г. Назирова в нашей статье [Шаулов, 2014a]).

Отсюда возможны два пути размышления, выбор которых зависит от цели исследования. Если нас интересует, в первую очередь, связь рецептивной традиции с реальной биографией (при всей условности слова «реальная» в применении к биографии писателя), с исторической обстановкой и т. д., тогда в корпусе «школьной» биографики ключевыми станут противоречия между рецептивным и реальным биографическим сюжетом — конфликты и противоречия рецепции и ее объекта. Их анализ гипотетически может вывести к пониманию некоторых, не эксплицируемых иными способами, свойств художественного текста.

Второй вариант актуален, если нас интересует рецептивная традиция как таковая. В этом случае важно максимально расширить круг источников «школьной» биографики и выявить именно ее общие свойства, ее логику и сквозную структуру. Сложность работы с ними в данном случае состоит в том, что их «школьный» характер провоцирует специфическое невнимание к «мелочам» и «частностям» жизни «героя». Степень обобщения жизненного сюжета в них такова, что именно «общее» становится наиболее трудноопределимым, а «жизненность» полностью поглощается приписываемой «герою» культурной ролью в пространстве национального бытия.

Этот эффект, в частности, дает возможность конфликтной (а иногда и полемически-инвективной) реактуализации личности протагониста через противопоставление его культурной роли и некоторых, не входящих в биографический канон, ложных или реальных фактов биографии. На этом механизме построена, например, серия литературных биографий «...без глянца» (в которой, разумеется, есть и «Достоевский без глянца» [Фокин, 2008]) и вообще любые биографические нарративы в форме компиляции мемуарных и документальных свидетельств, обеспечивающие внимание читателя за счет нарушения / расширения его представлений о заглавном «герое».

В биографике Достоевского первый пример возникает почти сразу после смерти писателя. Это объединенные под одну обложку с избранными письмами Достоевского «Материалы для жизнеописания Ф. М. Достоевского» О. Ф. Миллера и «Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском» Н. Н. Страхова [Биография, 1883].

При кажущейся разнице в форме повествования (Миллер, по сути, компилирует устные и письменные свидетельства о жизни Достоевского — Страхов пишет именно мемуары) у двух частей этого издания есть нечто общее: намеренный, судя по всему, отход от упрощенно эпического биографического нарратива. Оба автора не *рассказывают о жизни* писателя, а показывают ее сквозь призму собственных или чужих субъективных рефлексий. У обоих существенной частью замысла является полемика с некими установившимся мнениями.

Так, Орест Миллер, завершая свою часть труда на послекаторжном возвращении Достоевского в литературу, полемизирует с мнением о «перевороте» политических убеждений писателя: «Достоевский никогда не был “верноподданным революции” (как выразился Самарин в этих письмах к Герцену), а потому не был никогда и “оппортунистом”» [Биография, 1883: 176].

У Страхова в предпоследней главе мемуаров читаем: «С низкой, пошлой точки зрения, на Достоевского можно смотреть, как на заурядного литератора» [Биография, 1883: 318]. Далее мемуарист моделирует эту точку зрения и полемизирует с ней (степень искренности этой полемики — отдельный

вопрос [Шаулов, 2011: 12–16]). В главе «Похороны» можно усмотреть подобную же структуру. Обобщенно описывая несколько типов оценки Достоевского в толпе, провожающей гроб писателя, Страхов полемически заключает: «Но главная масса, составлявшая ядро толпы и менее других расположенная ораторствовать, конечно, руководилась другими чувствами. Она очевидно хоронила в Достоевском наставника, нравственного учителя...» [Биография, 1883: 326].

Интереснее всего в этих текстах то, что само их появление в такой форме в 1883 г. означает, что жизненный «сюжет» Достоевского уже был к этому времени сформирован в общественном и культурном сознании (или, во всяком случае, ощущался как устойчивая конструкция культурного бессознательного). Только в этом случае возникает ощущение (на котором и базируется Миллер) большей достоверности прямого цитирования исторического документа в сравнении с интерпретацией биографа и тем более с каким-либо из уже существующих мнений.

В число таких мнений еще при жизни и в первые годы после смерти писателя входит, по всей видимости, и ряд негативных трактовок биографического образа Достоевского. Это известный навет на Достоевского в письме Н. Н. Страхова к Л. Н. Толстому от 28 ноября 1883 г., хорошо изученный и давно опровергнутый отечественным достоевковедением [Волгин, 1986: 176–186], [Захаров, 1978: 75–109; 1985; 1991; 2017], [Розенблюм, 1971]. Это и миф о «перерождении убеждений» Достоевского на каторге (см. выше цитированное рассуждение Миллера), и выросший из недобросовестной журналистской полемики миф о «сумасшествии» писателя [Волгин, 2013] (сам Достоевский искусно осмеял этот выпад в «Бобке» [Шаулов, 2017b: 269–272]), и менее масштабные сплетни (например, о «кайме» вокруг «Бедных людей») и пр.

Данные мифы при всем их разном происхождении объединяет принадлежность к специфическому квазифольклорному жанру «писательской легенды» [Назирова, 2012]. Они входят в утвердившийся в массовой культуре биографический образ Достоевского как травестированная, пародийно сниженная

версия его жизненного пути. Появление такого «двойника», по Р. Г. Назирову, следует признать одним из естественных этапов формирования любой долговременной рецептивной традиции.

Интересно, однако, что в дореволюционных «словарных» биографиях Достоевского подобный «двойник» присутствует (за одним исключением, о котором пойдет речь ниже) только в имплицитном виде. Большинство из них игнорируют или оспаривают даже мотив «перерождения убеждений» писателя после каторги. К примеру, в биографической статье в словаре Брокгауза и Эфрона этот миф последовательно опровергается: «Относительно того, как повлияло на Д. одиночное заключение, приговор на Семеновском плацу и каторга, есть два совершенно противоположные мнения. Одни, опираясь на его же собственные слова, говорят, что судьба оказалась к нему “не мачехой, а суровой матерью”, что страшное испытание, им вынесенное, излечило его от многих недостатков, выработало его убеждения <...>. Другие весь болезненный *надрыв* его произведений, его мистицизм и его переход из одного лагеря в другой объясняют тем, что каторга сломила его нравственно <...>. Первые забывают, что Д. и в ранних своих произведениях выказывал необыкновенную глубину анализа, а с другой стороны, он и после каторги остается тем же болезненно самолюбивым и нетерпеливым человеком и тем же поэтом безысходного страдания, душевных ненормальностей и болезней. Вторые упускают из виду слабые стороны произведений его первого периода» [Кирпичников: 74].

Автор статьи в словаре Граната более лаконичен: «...надо признаться, что, если рассматривать основы творчества Д., то между обеими половинами его деятельности — до каторги и после каторги — существенной разницы нет» [Игнатов, 1911: 19]. И только в статье «Народной энциклопедии» высказывается противоположное суждение: «Ссылка в каторгу, годы солдатской службы и материальных лишений должны были отразиться на Достоевском: они создали тот “душевный надрыв”, то болезненное настроение, которым он отличался до конца дней» [Достоевский, 1911: 480].

Открытой критики в некоторых из них удостоивается лишь «болезненный» [Бороздин] или «мрачный мистицизм» [Кирпичников] Достоевского, якобы усилившийся к последним годам (мнение, несомненно, восходящее к статье М. А. Антоновича «Мистико-аскетический роман»). Однако ни Кирпичников, ни Бороздин не выстраивают гротескный «антиобраз» писателя на данном фундаменте.

На этом фоне резко выделяется статья в «Еврейской энциклопедии» Брокгауза и Ефрона [Горнфельд]. Достоевский в ней сходу назван «одним из значительнейших выразителей русского антисемитизма» [Горнфельд: 310]. Дальнейшее описание строится на подборке цитат из «Мертвого дома», «Преступления и наказания», «Бесов» и «Дневника писателя», иллюстрирующих основной тезис. Интерпретации выбранных Горнфельдом фрагментов, разумеется, тенденциозны и скорректированы в современном достоевковедении, в котором вопрос об «антисемитизме» Достоевского получил гораздо более глубокое и многообразное освещение [Гришин: 138–155], [Тороп], [Борисова, 1999], [Накамура], [Joñae].

Важно отметить некоторые особенности выражения основной мысли статьи Горнфельда. Во-первых, она лишена полутонов, строго и непримиримо однозначна. Даже когда профессиональная добросовестность заставляет автора цитировать противоречащие его концепции слова Достоевского, он не удостоивает их комментария. Именно поэтому финал статьи выглядит несколько бессвязным: «Необходимо отметить решительные утверждения Д., что в русском народе нет “предвзятой, априорной, тупой, религиозной какой-нибудь ненависти к еврею”. В “Заметках из записной книжки”, которые должны были лечь в основание ближайших глав “Дневника писателя”, евреи упоминаются неоднократно. — Общий вывод тот, что евреи, по Достоевскому, одновременно оказываются повинными и в политике английского консерватизма, и в анархизме, и в социализме» [Горнфельд: 313].

Отдельные фрагменты «Дневника писателя», впрочем, Горнфельд прямо игнорирует. В частности, говоря о мартовском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г., он обходит молчанием главку «Единичный случай» и сюжет картины

с «нравственным центром», который Достоевский рекомендует современным живописцам:

«Вот усталый старичок, на миг оставив мать, берется за ребенка. Принять не во что, пеленок нет, ни тряпки нет (бывает этакая бедность, господа, клянусь вам, бывает, чистейший реализм — реализм, так сказать, доходящий до фантастического), и вот праведный старичок снял свой старенький вицмундирчик, снял с плеч рубашку и разрывает ее на пеленки. Лицо его строгое и проникнутое. Бедный новорожденный еврейчик копошится перед ним на постели, христианин принимает еврейчика в свои руки и обвивает его рубашкой с плеч своих. Разрешение еврейского вопроса, господа!»¹.

Причины невнимания автора статьи к этому и другим подобным фрагментам понятны — сам его тон и пафос делают полностью невозможной однозначную идентификацию Достоевского как антисемита.

В целом возникает биографический образ, чрезмерно преувеличивающий одни черты и полностью стирающий другие. С формальной точки зрения любой негативный биографический «двойник» Достоевского строится на основе гротеска (собственно, как и образ любого литературного Doppelgänger'a, включая и героя повести самого Достоевского). В этом проявляется, на наш взгляд, природа мифологического мышления, стремящегося «упаковать» неохватную полноту явления (в данном случае «живой жизни» писателя) в комфортную для восприятия схему (неизбежно упрощающую реальность).

Но примечательно, что эти травестированные версии, абсорбируя недостоверные и недобросовестно интерпретированные эпизоды биографии писателя, порой игнорируют действительные факты его жизни, которые могли бы сами по себе стать основой для нового варианта биографического образа Достоевского.

Примечательным примером может служить «дело о куманинском наследстве». Оно десятилетиями (!) влияло на литературную и домашнюю жизнь писателя, послужило причиной ряда его размолвок с ближайшими родственниками, возможно, даже явилось одной из непосредственных причин смерти Достоевского. Можно представить, например, в раннесоветской

критике формирование специфического сюжета «Достоевский-сутяжник». Тем не менее во многих жизнеописаниях это «дело» занимает сравнительно небольшой объем (если оно вообще упоминается).

Единичные упоминания об этом долгом процессе появляются только в биографике XX в.: так, первая специальная работа вышла в 1951 г. (статья Н. Ильина «Достоевский в споре за куманинское наследство» [Ильин]), следующая — спустя шесть десятилетий, в 2018 [Борисова, 2018]. Затянувшаяся пауза в изучении данной темы, несмотря на кумулятивный процесс осмысления ее источников в разного рода историко-биографических трудах [Летопись, 2003–2005], [Хроника, 2013], — признак ее слабой связи с биографическим мифом Достоевского.

Причина этого заключается, видимо, не только в том импульсе, который был придан осмыслению Достоевского и его наследия Анной Григорьевной, сознательно формировавшей будущую рецепцию биографического образа мужа (см., напр.: [Андрианова, 2012, 2015]). Разумеется, относительное забвение этого факта биографии не может быть объяснено и его «нелитературностью» — он в высшей степени литературен, и у самого Достоевского борьба за наследство несколько раз становилась важным элементом романских фабул.

Рискнем предположить, что истинная причина состоит в антидраматизме, бытовой приземленности сюжета, контрастировавшей с масштабом ключевых параметров биографического канона (казнь, каторга, эпилепсия, конфликтность общественной позиции и даже «сумасшествие»). Борьба за наследство на этом фоне может показаться, на первый взгляд, малозначимым «делом», хотя фактически она оставила большой след в биографии и произведениях Достоевского и заслуживает рассмотрения с разных точек зрения, в том числе в нравственном и юридическом аспектах (см. об этом: [Борисова, 2019]).

С другой стороны, сама редкость упоминания куманинского наследия в биографическом тексте Достоевского означает, что этот конкретный нарратив, сознательно или бессознательно, в той или иной части противопоставлен массовому биографическому образу писателя или находится с этим

образом в более сложных отношениях, отрицающих мифологизирующее упрощение. Выявление и описание подобных сюжетов — один из способов разграничения общего, узуального и частного, флюктуативного в истории восприятия Достоевского.

Это «общее», по сути, и является исторически изменчивым ядром рецептивной традиции. Исследования данного ядра представляют собой попытку эксплицировать осознанные или неосознанные механизмы превращения представлений о реальной биографии в биографический текст.

История этих механизмов (то есть, по сути, история рецепции Достоевского) до сих пор существует в форме сочетания слабо проверяемых представлений («запрет» Достоевского в раннесоветский период, например) и фрагментарно описанных частных связей («Достоевский и имярек»), причем в последних работах, зачастую отражены не анализ рецепции, а интертекстуальные и генетические связи творчества Достоевского с XX в. Целостное описание рецептивной традиции писателя хотя бы в первые десятилетия после его смерти пока представляется почти недостижимым.

Причин тому несколько. Первая — обусловлена смешением целей исследования. Анализируя бесконечные реактуализации «мифа о Достоевском» в различных эстетических практиках последующих веков, мы изучаем не саму рецептивную традицию, а ее след в последующей культуре.

Например, Достоевский упоминается в «Рандеву» В. П. Аксенова, где герой соотносится со Ставрогиным (это имя также присутствует в тексте). В таком виде эта аллюзия может быть «поймана» и средствами компьютерной обработки текста. Однако медленное чтение (терминологически точнее «close reading») относительно легко идентифицирует этот рассказ как этап фабульной традиции, генетически восходящей к второстепенной сюжетной линии «Шинели» Н. В. Гоголя (посрамление генерала) и впервые полностью артикулированной в «Скверном анекдоте» Достоевского (на материале XIX в. эта фабульная традиция описана Р. Г. Назировым [Назиров, 2014]; ее историко-литературное описание продолжено нами [Шаулов, 2014b]). Автоматический анализ текста этот важный аспект интертекстуальной связи «увидеть» не сможет.

Есть масса других примеров, когда открыто декларированная отрицательная рецептивная оценка Достоевского находится в резком противоречии с его реальной ролью в структуре текста XX в. Хорошо описан контраст между публичной критикой Достоевского В. В. Набоковым («сильно переоцененный, сентиментальный романист» [Набоков, 1998: 560]) и сложным потайным и даже мистифицирующим диалогом модерниста с классиком [Ермакова, 2011]. Впрочем, следует помнить, что и здесь изучается не рецепция, а именно ее воздействие на структуру более поздних, эстетически и культурно самостоятельных текстов.

Альтернативой может стать анализ «поэтики» критических и литературоведческих текстов о Достоевском с точки зрения их литературно-мифологических претекстов / подтекстов. По крайней мере, это позволяет, как мы уже показывали ранее, выявить генетическую обусловленность рецепции культурным претекстом [Шаулов, 2017a]. Минус этого подхода — неизбежная субъективность отбора материала. Даже приблизиться к относительной полноте владения этим материалом сложно. Второй минус — неизбежная субъективность такого анализа, фундаментальная зависимость науки чтения от личности читателя.

Биографический нарратив Достоевского тяготеет к своеобразной «литературоцентричности», к смещению биографического образа в плоскость исключительно литературной жизни. Иногда отмеченная тенденция доходит до полного растворения Достоевского-человека в Достоевском-писателе: в некоторых из анализированных биографий собственно факты из жизни только упоминаются, остальное занимает обзор творчества. Это тем более странно, что по своему жанру такие тексты должны представлять протагониста в полноте его жизненных, а не только творческих обстоятельств (тем более если речь идет об универсальных, а не специализированных литературных справочниках).

Показательно, например, что из всех «персонажей» словарных биографий Достоевского только двое присутствуют во всех и везде названы по имени: Пушкин и Белинский. Из всего окружения Достоевского последний упоминается даже

чаще, чем брат писателя Михаил Михайлович. Причем роль критика как «открывателя» Достоевского не просто подчеркивается, а гиперболизируется: автора «Бедных людей» в начале творческого пути замечает «лучший ценитель литературы того времени»; финал биографии — «Пушкинская речь» — сравнивается с «памятным днем свидания с Белинским» [Игнатов: 18, 19]. Или же, как в словарях Половцова и Брокгауза и Эфрона, наиболее подробно описанным биографическим событием становится именно эта самая «памятная ночь», бросающая отсвет на все дальнейшее творчество.

«Неистовый Виссарион» становится своего рода «камертоном», с которым сверяется и позднее творчество писателя: «...мысль о свойстве пушкинского гения, — о перевоплощении и проникновении духом других народов, коль скоро он берет сюжет и лица не из родной русской обстановки; эта черта творчества Пушкина была уже отмечена раньше Белинским» [Бороздин: 667].

Центральное положение Белинского в пространстве биографического нарратива Достоевского, не вполне очевидное с современной точки зрения на жизненный путь писателя, соблазнительно объяснить общим подъемом интереса к фигуре «первого русского критика» на рубеже XIX–XX вв. [Крылов]. В связи с этим неизбежно возникает новый вопрос: будет ли «неистовый Виссарион» столь же часто упоминаться в других подобных биографиях? Если ответ будет утвердительным, то придется признать, что в словарный (то есть декларативно объективный, надысторический) дискурс активно проникали (и, вероятно, все еще проникают?) культурные пристрастия исторического момента.

Показательно, что это, видимо, происходит не всегда осознанно. В итоге в большинстве рассмотренных биографий возникают как бы два центра нарративного пространства (помимо самого Достоевского, разумеется). Из всех литераторов прошлых эпох чаще всего звучит имя Пушкина. При этом непосредственным предшественником и прямым «учителем» Достоевского (в тех статьях, где эта мысль есть) объявляется — в полном соответствии с главенствующей в то время трактовкой — Гоголь: «Д. изучает тот же чиновничий мир, на

который натолкнул его Гоголь...» [Кирпичников: 73]; «Первый период начался под несомненным влиянием Гоголя» [Достоевский, 1911: 479]. Пушкин же возникает как бы «нечаянно» — в цитате из Белинского и в описании «Пушкинской речи».

Связь Пушкина и Достоевского для критиков рубежа XIX–XX вв. гораздо менее очевидна, чем для современных авторов. В интересующих нас сейчас текстах это ярче всего выражается в статье Кирпичникова для словаря Брокгауза и Эфрона: «Несмотря на свое восторженное поклонение перед Пушкиным и на поразительную близость тем своих ранних повестей к произведениям Гоголя, Д. не принадлежит ни к пушкинской, ни к гоголевской школе и не унаследовал их общих свойств» [Кирпичников: 79]. Примечательно, что связь с Гоголем подчеркнута «близостью тем», а с Пушкиным Достоевского связывает только «поклонение». Более того, в другом месте автор подчеркнуто разводит «методы» Достоевского и Пушкина: «Цель воспроизведения этой правды в первых его произведениях — пушкинское пробуждение “милости к падшим”, но средства прямо противоположны тем, которые употребляет Пушкин» [Кирпичников: 79].

В современном литературоведении мнение о том, что «христианский реализм» (то есть именно писательское «средство») Достоевского восходит именно к Пушкину, в целом утвердилось как факт. Однако, описывая эту связь, достоевсковеды продолжают апеллировать к личному авторитету автора «Пушкинской речи», к его прямому признанию, как это делает, например, В. Н. Захаров: «Достоевский был первым, кто в своем творчестве сознательно поднялся до высот христианского реализма, назвав его “реализмом в высшем смысле”. Впрочем, сам Достоевский считал своим учителем на этом пути Пушкина...» [Захаров, 2013: 41].

С другой стороны, постоянное появление «пушкинского центра» в нарративном пространстве биографических текстов о Достоевском может означать, что здесь мы имеем дело с борьбой между личной сознательной рецепцией (вариант — «общественной репутацией») и логикой биографического и художественного текста (которая, в свою очередь, определяется «культурным бессознательным»).

Таким образом, на формирование биографического нарратива писателя оказывает воздействие не только личная эстетическая и политическая позиция автора этого нарратива, но, в первую очередь, динамика развития «узуального» образа писателя, далеко не всегда совпадающего с литературным каноном и «репутацией». Образ такого — «народного» — Достоевского функционирует в культуре как мифологический образ, с неизбежностью включая в себя и элементы травестийного отрицания канона.

С другой стороны, следует констатировать, что этот образ, возникающий в «культурном бессознательном», в некоторых, может быть, наиболее важных аспектах, оказывается точнее и глубже индивидуальной, зачастую политически и эстетически предвзятой, рецепции.

Примечания

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90013 Достоевский.

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1983. Т. 25: Дневник писателя за 1877 год. Январь-август. С. 91.

Список литературы

1. Андрианова И. С. Концепция жанра дневника А. Г. Достоевской // Проблемы исторической поэтики. — 2012. — Вып. 10. — С. 224–240 [Электронный ресурс]. — URL: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1463127955.pdf (18.01.2019). DOI: 10.15393/j9.art.2012.354
2. Андрианова И. С. Эпистолярный роман Ф. М. и А. Г. Достоевских // Неизвестный Достоевский. — 2015. — № 1. — С. 3–11 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1438251005.pdf (18.01.2019). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2
3. Белов С. В. Ф. М. Достоевский. Указатель произведений Ф. М. Достоевского и литературы о нем на русском языке, 1844–2004 гг. — СПб.: Российская национальная библиотека, 2011. — 755 с.
4. Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. — СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1883. — 840 с.
5. Борисова В. В. Последний свидетель Свидригайлова // Достоевский и мировая культура. Альм. № 13. — СПб.: Серебряный век, 1999. — С. 51–55.
6. Борисова В. В. «Дело о куманинском наследстве» в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского // Неизвестный Достоевский. — 2018. — № 1. —

- С. 32–43 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1524832332.pdf (18.01.2019). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3481
7. Борисова В. В. Нравственные и юридические аспекты «куманинского дела» // Неизвестный Достоевский. — 2019. — № 1. — С. 46–69 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1554980398.pdf (15.03.2019). DOI: 10.15393/j10.art.2019.3786
 8. Бороздин А. Достоевский // Русский биографический словарь / изд. А. А. Половцов. — СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1905. — Т. 6. — С. 608–669.
 9. Волгин И. Л. Последний год Достоевского. Исторические записки. — М.: Советский писатель, 1986. — 576 с.
 10. Волгин И. Л. «Дневник писателя» как мирозозидающий проект // Достоевский и журнализм / под ред. В. Н. Захарова, К. А. Степаняна, Б. Н. Тихомирова. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. — Вып. 4. — С. 27–38.
 11. Горнфельд А. Достоевский // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем: в 16 т. / по общ. ред. Л. Каценельсона и Д. Г. Гинцбурга. — СПб.: Издание О-ва для научных еврейских изданий и Изд-ва Брокгауз-Ефрон, 1910. — Т. 7. — С. 310–313.
 12. Гришин Д. В. Достоевский и человек: писатель и мифы. Достоевский и его «Дневник писателя». — Melbourne: Русское отделение Мельбурнского университета, 1971. — 369 с.
 13. Достоевский // Настольный энциклопедический словарь: в 8 т. / Товарищество А. Гранат и К°. — М.: Тип. О-ва распространения полезных книг, 1895. — Т. 3: Грация — Кальдерон. — С. 1582.
 14. Достоевский // Большая энциклопедия: в 20 т. / под ред. С. Н. Южакова, А. М. Скабичевского. — СПб.: Тов-во «Просвещение», 1902. — Т. 8. — С. 681–685.
 15. Достоевский // Народная энциклопедия научных и прикладных знаний: в 14 (21) т. — М.: Тип. тов-ва И. Д. Сытина, 1911. — Т. VII. Языкознание и история литературы. — С. 479–480.
 16. Достоевский // Энциклопедический словарь Ф. Павленкова. — 5-е изд. — СПб.: Тов-во «Труд», 1913. — Стб. 696–697.
 17. Дубин Б. В. Биография, репутация, анкета (О формах интеграции опыта в письменной культуре) // Дубин Б. В. Обращенный взгляд / Слово — письмо — литература: Очерки по социологии современной культуры. — М.: НЛЮ, 2001. — С. 100–119.
 18. Ермакова О. Владимир Набоков о Достоевском // Toronto Slavic Quarterly. — 2011. — № 36. — С. 243–259.
 19. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. — М.: Кругъ, 2004. — 559 с.
 20. Захаров В. Н. Проблемы изучения Достоевского: учебное пособие по спецкурсу. — Петрозаводск: ПетрГУ, 1978. — 112 с.
 21. Захаров В. Н. По поводу одного мифа о Достоевском // Север. — 1985. — № 11. — С. 113–120.

22. Захаров В. Н. Неотправленное письмо Достоевского Тургеневу // Достоевский и современность: тез. выступлений на «Старорусских чтениях». — Новгород, 1991. — Ч. 1. — С. 61–66.
23. Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский. Очерк творчества. — М.: Индрик, 2013. — 456 с.
24. Захаров В. Н. Poleмические заметки о Н. Н. Стрaхове в рабочих тетрадях Достоевского // Русская литература. — 2017. — № 4. — С. 61–69.
25. Игнатов И. Н. Достоевский // Настольный энциклопедический словарь. — Изд-е 7-е, совершенно переработанное. — М.: Товарищество А. Гранат и К°, 1913. — Т. 19. Дорошенко — Екатерина. — Стлб. 17–36.
26. Ильин Н. Достоевский в споре за куманинское наследство // Звенья. — М.; Л., 1951. — Т. IX. — С. 547–565.
27. Кирпичников А. Достоевский, Федор Михайлович // Энциклопедический словарь: в 86 т. / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. — СПб.: Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1893. — Т. XI: Домиции — Евреинова. — С. 72–81.
28. Крылов В. Н. Из истории формирования мифа о В. Г. Белинском // Вестник ТГГПУ. — 2011. — № 2. — С. 194–201.
29. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: в 3 т. — СПб.: Академический проект, 1993–1995.
30. Набоков В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». — СПб: Искусство-СПБ, 1998. — 928 с.
31. Назиров Р. Г. Легенды о художниках: к постановке проблемы // Нева. — 2012. — № 2. — С. 190–201.
32. Назиров Р. Г. Гоголевская традиция и «Скверный анекдот» Ф. М. Достоевского // Достоевский и мировая культура. Альм. № 32. — СПб.: Серебряный век, 2014. — С. 181–196.
33. Накамура К. Достоевский и еврейский вопрос. Взгляд японского русиста (Заметки) // Достоевский и мировая культура. Альм. № 20. — СПб.; М.: Серебряный век, 2004. — С. 342–372.
34. Розенблюм Л. М. Творческие дневники Достоевского // Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради. 1860–1881 гг. — М.: Наука, 1971. — С. 16–23. (Литературное наследство; т. 83)
35. Тороп П. Достоевский: логика еврейского вопроса // Тороп П. Достоевский: история и идеология. — Tartu: Tartu ülikooli kirjastus, 1997. — С. 23–55.
36. Фокин П. Е. Достоевский без глянца. — М.: Амфора, 2008. — 459 с.
37. Хроника рода Достоевских / под ред. И. Л. Волгина. — М.: Фонд Достоевского, 2013. — 1223 с.
38. Шаулов С. С. Н. Н. Страхав как творец и персонаж литературных контекстов: между Ф. М. Достоевским и Л. Н. Толстым. — Уфа: Изд-во БГПУ, 2011. — 84 с.
39. Шаулов С. С. Литературные суждения в дневниках Р. Г. Назирова // Назировский архив. — 2014. — № 4. — С. 146–154. (а)
40. Шаулов С. С. Паралипомены к статье Р. Г. Назирова «Гоголевская традиция и «Скверный анекдот» Ф. М. Достоевского» // Достоевский

- и мировая культура. Альм. № 32. — СПб.: Серебряный век, 2014. — С. 197–211. (b)
41. Шаулов С. С. Структура негативной рецепции Ф. М. Достоевского в современной культуре // Российский гуманитарный журнал. — 2014. — Т. 3. — № 5. — С. 404–412. (c)
 42. Шаулов С. С. Истоки и эволюция мифа о Ф. М. Достоевском // *Mundo Eslavo*. — 2017. — № 16. — С. 223–234. (a)
 43. Шаулов С. С. Сумасшествие как эстетическая и жизненная стратегия: некоторые вариации фабульной схемы // Семиотика поведения и литературные стратегии. Лотмановские чтения — XXII. — М.: РГГУ, 2017. — Вып. III. — С. 369–385. (b)
 44. Johae A. Secret Designs in Dostoevsky's "The Brothers Karamazov" // *Dostoevsky Studies*. — 2007. — Vol. 9. — P. 76–97.

Sergey S. Shaulov

(Ufa, Russian Federation)

sschaulov@gmail.com

Dostoevsky in Pre-revolutionary Encyclopedias: Methodological Problems of Biographical Image Analysis

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR, project number 18–012–90013 Dostoevsky.

Abstract. The article describes a number of methodological problems in the study of Dostoevsky's biographical narrative and his receptive tradition as a whole: the subjectivity of traditional research approaches, the receptive conflict between the biographical myth and negative "doubles" of the writer, the contradictions of mass and individual perception. The author, in search of the most common elements of Dostoevsky's biographical narrative, turns to pre-revolutionary encyclopaedic articles about the writer. It is presumed that the genre itself, in which the biographical narrative exists here, excludes subjective distortions of the image, represents Dostoevsky in the most generalized, "common" version. This image of Dostoevsky is emphasized literary-centered, at the same time grotesquely simplified and equipped with a parodying double. At the same time, the structure of these articles is inherently contradictory: it faces the author's subjective assessment, which penetrates even into informational and encyclopedic editions, and the logic of the formation and development of Dostoevsky's image in the space of the "cultural unconscious". In other words, the mythological perception of the writer cannot be defeated by any bright

critical reflection, nor by the official fixation and propaganda of the historical and literary canon. Finally, the mythological image of the writer, unconsciously created by the mass reader, is in some aspects more dependent on the logic of Dostoevsky's life and literary text, and therefore sometimes more accurate.

Keywords: biographical narrative, biographical myth, receptive tradition, “Kumanin Case” anti-Semitism of Dostoevsky, Belinsky, Pushkin

About the author: *Shaulov Sergey S.* — PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Bashkir State University (ul. Zaki Validi 32, Ufa, 450076, Russian Federation)

Received: March 26, 2019

Date of publication: June 28, 2019

For citation: Shaulov S. S. Dostoevsky in Pre-revolutionary Encyclopedias: Methodological Problems of Biographical Image Analysis. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2019, vol. 17, no. 2, pp. 192–213. DOI: 10.15393/j9.art.2019.6562 (In Russ.)

References

1. Adrianova I. S. The Genre of A. G. Dostoevskaya's Diary. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2012, issue 10, pp. 224–240. Available at: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1463127955.pdf (accessed on January 18, 2019). DOI: 10.15393/j9.art.2012.354 (In Russ.)
2. Adrianova I. S. The Epistolary Novel of Fedor and Anna Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2015, no. 1, pp. 3–11. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1438251005.pdf (accessed on January 18, 2019). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2 (In Russ.)
3. Belov S. V. *F. M. Dostoevskiy. Ukazatel' proizvedeniy F. M. Dostoevskogo i literatury o nem na russkom yazyke, 1844–2004 gg. [F. M. Dostoevsky. Index of F. M. Dostoevsky's Works and Writings on Him in the Russian Language, 1844–2004s]*. St. Petersburg, The National Library of Russia Publ., 2011. 755 p. (In Russ.)
4. *Biografiya, pis'ma i zametki iz zapisnoy knizhki F. M. Dostoevskogo [Biography, Letters and Notes from the Notebook by Fedor Dostoevsky]*. St. Petersburg, Tipografiya A. S. Suvorina Publ., 1883. 840 p. (In Russ.)
5. Borisova V. V. Last Witness of Svidrigailov. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Al'manakh № 13 [Dostoevsky and World Culture. Almanac No. 13]*. St. Petersburg, Serebryanny vek Publ., 1999, pp. 51–55. (In Russ.)
6. Borisova V. V. “The Kumanin Heritage Case” in Life and Works of F. M. Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2018, no. 1, pp. 32–43. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1524832332.pdf (accessed on January 18, 2019). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3481 (In Russ.)
7. Borisova V. V. Moral and Legal Dimensions of the “Kumanin Case”. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2019, no. 1, pp. 46–69.

- Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1554980398.pdf (accessed on March 25, 2019). DOI: 10.15393/j10.art.2019.3786 (In Russ.)
8. Borozdin A. Dostoevsky. In: *Russkiy biograficheskiy slovar'* [*Russian Biographical Dictionary*]. St. Petersburg, Obshchestvennaya pol'za Publ., 1905, vol. 6, pp. 608–669. (In Russ.)
 9. Volgin I. L. *Posledniy god Dostoevskogo. Istoricheskie zapiski* [*The Last Year of Dostoevsky: Historical Notes*]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1986. 576 p. (In Russ.)
 10. Volgin I. L. "A Writer's Diary" as a Worldbuilding Project. In: *Dostoevskiy i zhurnalizm* [*Dostoevsky and Journalism*]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2013, issue 4, pp. 27–38. (In Russ.)
 11. Gornfel'd A. G. Dostoevsky. In: *Evreyskaya entsiklopediya. Svod znaniy o evreystve i ego kul'ture v proshlom i nastoyashchem* [*Jewish Encyclopedia. The Set of Laws about the Jewry and their Culture in the Past and Present*]. St. Petersburg, Brokgauz i Efron Publ., 1910, vol. 7, pp. 310–313. (In Russ.)
 12. Grishin D. V. *Dostoevskiy i chelovek: pisatel' i mify. Dostoevskiy i ego «Dnevniki pisatelya»* [*Dostoevsky and the Man: the Writer and Myths. Dostoevsky and His "A Writer's Diary"*]. Melbourne, Russkoe otdelenie Mel'burnskogo universiteta Publ., 1971. 369 p. (In Russ.)
 13. Dostoevsky. In: *Nastol'nyy entsiklopedicheskiy slovar'* [*A Desktop Encyclopedic Dictionary*]. Moscow, Tovarishchestvo A. Granat i K° Publ., 1895, vol. 3, p. 1582. (In Russ.)
 14. Dostoevsky. In: *Bol'shaya entsiklopediya: v 20 tomakh* [*The Great Encyclopedia: in 20 Vols*]. St. Petersburg, Tovarishchestvo Prosveshchenie Publ., 1902, vol. 8, pp. 681–685. (In Russ.)
 15. Dostoevsky. In: *Narodnaya entsiklopediya nauchnykh i prikladnykh znaniy* [*The Popular Encyclopedia of Scientific and Applied Knowledge*]. Moscow, Tipografiya tovarishchestva I. D. Sytina Publ., 1911, vol. 7, pp. 479–480. (In Russ.)
 16. Dostoevsky. In: *Entsiklopedicheskiy slovar' F. Pavlenkova* [*F. Pavlenkov's Encyclopedic Dictionary*]. St. Petersburg, Tovarishchestvo Trud Publ., 1913, column 696–697. (In Russ.)
 17. Dubin B. V. Biography, Reputation, Questionnaire (On the Forms of Integration of Experience in Written Culture). In: *Dubin B. V. Obrashchennyi vzglyad / Slovo — pis'mo — literatura: Ocherki po sotsiologii sovremennoy kul'tury* [*Dubin B. V. The Focused Look / Word — Letter — Literature: Essays on Sociology of Modern Culture*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2001, pp. 100–119. (In Russ.)
 18. Ermakova O. Vladimir Nabokov About Dostoevsky. In: *Toronto Slavic Quarterly*, 2011, no. 36, pp. 243–259. (In Russ.)
 19. Esaulov I. A. *Paskhal'nost' russkoy slovesnosti* [*Paskhal'nost' of Russian Literature*]. Moscow, Krug Publ., 2004. 559 p. (In Russ.)
 20. Zakharov V. N. *Problemy izucheniya Dostoevskogo* [*The Problems of Studying Dostoevsky*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1978. 112 p. (In Russ.)

21. Zakharov V. N. About One Myth on Dostoevsky. In: *Sever*, 1985, no. 11, pp. 113–120. (In Russ.)
22. Zakharov V. N. An Unsent Letter of Dostoevsky to Turgenev. In: *Dostoevskiy i sovremennost': tezisy vystupleniy na «Starorusskikh chteniyakh»* [*Dostoevsky and Modern Age. Theses of Speeches at the “Old Russian Readings”*]. Novgorod, 1991, part 1, pp. 61–66. (In Russ.)
23. Zakharov V. N. *Imya avtora — Dostoevskiy. Ocherk tvorchestva* [*The Author's Name is Dostoevsky. An Essay on Creative Works*]. Moscow, Indrik Publ., 2013. 456 p. (In Russ.)
24. Zakharov V. N. Polemic Notes About N. N. Strakhov in Dostoevsky's Workbooks. In: *Russkaya literatura*, 2017, no. 4, pp. 61–69. (In Russ.)
25. Ignatov I. N. Dostoevsky. In: *Nastol'nyy entsiklopedicheskiy slovar'* [*A Desktop Encyclopedic Dictionary*]. Moscow, Tovarishchestvo A. Granat i K° Publ., 1913, vol. 19, clmn 17–36. (In Russ.)
26. Il'in N. Dostoevsky in the Dispute for the Kumanin Heritage. In: *Zven'ya*. Moscow, Leningrad, 1951, vol. 9, pp. 547–565. (In Russ.)
27. Kirpichnikov A. I. Dostoevsky, Fedor Mikhailovich. In: *Entsiklopedicheskiy slovar'* [*Encyclopedic Dictionary*]. St. Petersburg, Semenovskaya Tipolitografiya (I. A. Efron) Publ., 1893, vol. 9, pp. 72–81. (In Russ.)
28. Krylov V. N. From the History of Formation of the Myth About V. G. Belinsky. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [*Tomsk State Pedagogical University Bulletin*], 2011, no. 2, pp. 194–201. (In Russ.)
29. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo: v 3 tomakh* [*The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works: in 3 Vols*]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1993–1995. (In Russ.)
30. Nabokov V. *Kommentariy k romanu A. S. Pushkina «Evgeniy Onegin»* [*A Commentary on the Novel by A. S. Pushkin “Eugene Onegin”*]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 1998. 928 p. (In Russ.)
31. Nazirov R. G. Legends About Artists: on the Articulation of Issue. In: *Neva*, 2012, no. 2, pp. 190–201. (In Russ.)
32. Nazirov R. G. The Gogol Tradition and “A Nasty Story” by F. M. Dostoevsky. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Al'manakh № 32* [*Dostoevsky and World Culture. Almanac No. 32*]. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2014, pp. 181–196. (In Russ.)
33. Nakamura K. Dostoevsky and the Jewish Issue. The Outlook of a Japanese Russianist (Notes). In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Al'manakh № 20* [*Dostoevsky and World Culture. Almanac No. 20*]. St. Petersburg, Moscow, Serebryanyy vek Publ., 2004, pp. 342–372. (In Russ.)
34. Rozenblyum L. M. Dostoevsky's Artistic Diaries. In: *Neizdannyy Dostoevskiy. Zapisnye knizhki i tetradi. 1860–1881 gg* [*The Unpublished Dostoevsky. Notebooks and Workbooks of 1860–1881*]. Moscow, Nauka Publ., 1971, pp. 16–23. (Ser. “Literary Heritage”; vol. 83). (In Russ.)
35. Torop P. Dostoevsky: the Logic of the Jewish Issue. In: *Torop P. Dostoevskiy: istoriya i ideologiya* [*Torop P. Dostoevsky: History and Ideology*]. Tartu, Tartu ülikooli kirjastus Publ., 1997, pp. 23–55. (In Russ.)

36. Fokin P. E. *Dostoevskiy bez glyantsa* [A Non-Glossy Dostoevsky]. Moscow, Amfora Publ., 2008. 459 p. (In Russ.)
37. *Khronika roda Dostoevskikh* [The Chronicle of the Dostoevsky Dynasty]. Moscow, Fond Dostoevskogo Publ., 2013. 1223 p. (In Russ.)
38. Shaulov S. S. N. N. *Strakhov kak tvorets i personazh literaturnykh kontekstov: mezhdru F. M. Dostoevskim i L. N. Tolstym* [N. N. Strakhov as a Creator and Character of Literary Contexts: Between F. M. Dostoevsky and L. N. Tolstoy]. Ufa, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla Publ., 2011. 84 p. (In Russ.)
39. Shaulov S. S. Literary Judgments in the Diaries of R. G. Nazirov. In: *Nazirovskiy arkhiv* [Archive of Nazirov], 2014, no. 4, pp. 146–154. (a) (In Russ.)
40. Shaulov S. S. Paralipomens for R. G. Nazirov's Article «The Gogol Tradition and "A Nasty Story"» by F. M. Dostoevsky». In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Al'manakh № 32* [Dostoevsky and World Culture. Almanac No. 32]. St. Petersburg, Serebryanny vek Publ., 2014, pp. 197–211. (b) (In Russ.)
41. Shaulov S. S. The Structure of a Negative Reception of F. M. Dostoevsky in Modern Culture. In: *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal*, 2014, vol. 3, no. 5, pp. 404–412. (c) (In Russ.)
42. Shaulov S. S. The Origins and Evolution of the Myth About F. M. Dostoevsky. In: *Mundo Eslavo*, 2017, no. 16, pp. 223–234. (a) (In Russ.)
43. Shaulov S. S. Madness as an Aesthetic and Life Strategy: Some Variations of the Plot Scheme. In: *Semiotika povedeniya i literaturnye strategii. Lotmanovskie chteniya — XXII* [The Semiotics of Behavior and Literary Strategies. The 22nd Lotman Readings]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2017, issue 3, pp. 369–385. (b) (In Russ.)
44. Johae A. Secret Designs in Dostoevsky's "The Brothers Karamazov". In: *Dostoevsky Studies*, 2007, vol. 9, pp. 76–97. (In Russ.)